

Увидев, как этот молодой человек запросто прикрикнул на Шесть Героев Ветров и Облаков, и заметив, что те явно его опасаются, сообразительный Хуан Хао тут же упал на колени перед Шань Хэ и начал беспрерывно кланяться.

— Старший! — взмолился он. — Умоляю, восстановите справедливость! Отомстите за мою кровную обиду, и я до конца своих дней буду служить вам, не жалея сил, как преданный слуга!

Глядя на стоящего перед ним на коленях Хуан Хао, Шань Хэ нахмурился и негромко произронил:

— Встань. Мужское колено — золото, не стоит преклонять его перед кем попало, кроме Неба, Земли, родителей и учителей. Рассказывай, что за беда у тебя приключилась. Если твои слова правдивы, я обязательно помогу. — С этими словами он помог Хуан Хао подняться.

Хуан Хао выпрямился и, бросив взгляд на слегка дрожащих Шесть Героев Ветров и Облаков, погрузился в болезненные воспоминания:

— Наш род Хуан испокон веков жил в Сянфане, что в Хубэе. Мой отец, Хуан Уя, благодаря своим Ладони Пронзающих Облаков и Семишаговой Технике, пользовался в мире боевых искусств доброй славой. Но десять лет назад он случайно нашел меч Синего Сияния, и это ввергло нашу семью в бездну погибели. Именно они, эти шестеро негодяев из Крепости Ветров и Облаков, погубили нас. Отец восхищался их репутацией героев и считал их своими закадычными друзьями. Кто бы мог подумать, что ради меча Синего Сияния они воспользуются тем, что отец был пьян, и коварно нанесут удар в спину! Заполучив меч, они испугались разоблачения и учинили безжалостную резню, уничтожив более двадцати человек в нашем доме. Мне тогда было всего шесть лет — мать спрятала меня в платяном шкафу, только так я и спасся. Но мать и мою четырнадцатилетнюю сестру они заблокировали в спальне... На моих глазах... на моих глазах эти животные по очереди... по очереди надругались над ними до самой смерти.

Уняв дрожь, Хуан Хао продолжил:

— Покончив с убийствами, они подожгли наш дом, чтобы скрыть следы преступления. Мне удалось выбраться, и с тех пор я скитался по свету, мечтая лишь об одном — отомстить за гибель семьи. И вот сегодня вечером на улице Шуньчэн я случайно столкнулся с ними. Терпеть было больше невозможно, я украл у них наш меч Синего Сияния, но они меня обнаружили. А всё остальное вы уже видели сами.

Шань Хэ похлопал возбужденного Хуан Хао по плечу, повернулся к шестерым мужчинам и сурово спросил:

— Это правда?

— Нет, нет! Старший, не слушайте его бред, всё было не так! — в панике забормотали Шесть Героев Ветров и Облаков, путаясь в словах.

— Хватит болтать! Отвечайте: правда или нет? — рявкнул Шань Хэ.

— Старший, это не... то есть, это... — По их сбивчивым ответам и растерянными лицам Шань Хэ понял всё без слов.

— Раз так, вы ответите за свои поступки! — Разгневанный Шань Хэ приготовился атаковать, но негодяи, будучи наготове, тут же бросились врассыпную. Под предводительством своего главаря пятеро из них выхватили оружие и одновременно атаковали Шань Хэ, целясь в верхнюю, среднюю и нижнюю части тела.

Ослепительный отблеск в лунном свете — летящий прямо в лицо Шань Хэ клинок, а следом — свист скрытого оружия. С десятков серебряных игл, тонких, как волосы, устремились к жизненно важным точкам на его груди и животе: Шаньчжун, Цзювэй, Цзюйцюэ, Шэньцюэ и Цимень.

Столкнувшись с атакой, Шань Хэ тут же направил Истинную Ци Скрытого Дракона во всё тело и применил первую форму Тридцати Движений Железной Рубашки — Тяжесть тысячи фунтов, навстречу сияющему клинку. Затем, используя Искусство Беззаботности, он начал менять положение, уклоняясь от игл. Хотя мастерства этой шестерки явно не хватало, чтобы угрожать ему, он не хотел, чтобы его одежду испортили мелкими иголками.

Раздался гулкий удар — правая рука Шань Хэ столкнулась с клинком, и тут же фигура одного из нападавших отлетела прочь. Это был главарь — он принял на себя удар с четырехдесятипроцентной мощностью и мгновенно потерял сознание. Когда иглы пролетели мимо, остальные четверо уже окружили Шань Хэ. Поскольку он впервые в жизни дрался с настоящими противниками, Шань Хэ решил использовать этот случай для тренировки. Он не стал сразу их сокрушать, а, ограничив свою силу тремя десятками процентов, с помощью Искусства Беззаботности кружил между ними, раз за разом повторяя первые двадцать девять форм Железной Рубашки, стараясь привыкнуть к ощущению боя. К несчастью для них, их кунг-фу в глазах Шань Хэ было ничтожным — даже с такой малой частью своей силы он заставил их выбиться из сил.

Наконец, наигравшись, Шань Хэ закончил упражнение. Он опустил ци в даньтянь, медленно распределил энергию по телу, плотно прижал руки к бокам, вытянулся в струнку и совершил невероятный прыжок, применив прием Единства рук и ног. В одно мгновение на арене словно возникли четыре Шань Хэ, которые бросились на противников. Никто даже не успел заметить, что он сделал, но послышалось четыре резких звука — и все четверо, пораженные ударами, одновременно выплюнули кровь и рухнули без чувств.

Хуан Хао, наблюдавший за поединком, стоял с открытым ртом, не в силах поверить в увиденное, даже не заметив, как у него потекла слюна.

— Эй! Они еще живы. Разбирайся сам, ведь это твои враги, — сказал Шань Хэ, обращаясь к ошеломленному юноше.

— Ст... старший! Вы так сильны! Не могли бы вы взять меня в ученики? — Хуан Хао забыл обо всем на свете.

— В ученики? Ха-ха... перестань называть меня старшим, я ненамного тебя старше. Иди, сначала сведи свои счета. — Шань Хэ подошел к лежащим без чувств, точечными ударами заблокировал их меридианы, лишив возможности использовать мастерство, после чего привел их в чувство и небрежно бросил: — За всё приходится платить. Как именно они будут расплачиваться с тобой — решай сам. Хуан Хао, эти мерзавцы теперь твои. — Сказав это, он отошел в сторону, молча наблюдая за тем, как совершается правосудие.

В ночной тишине раздались несколько леденящих кровь криков, эхом разнесшихся по пустоши.

— Старший, умоляю! Возьмите меня в ученики! Я очень умный и старательный, прошу вас! — Отомстив, Хуан Хао заметно повеселел и теперь ходил за Шань Хэ по пятам, не переставая умолять.

— Я же сказал, не зови меня старшим! Я всего на четыре года тебя старше! — раздраженно отозвался Шань Хэ.

— Хорошо-хорошо! Не буду, буду звать братом. Брат! Спасибо, что помогли мне отомстить. Вы такой сильный, возьмите меня в ученики! — не унимался Хуан Хао.

— Да ты достал! Неужели не устал? Забудь об этом, в ученики я тебя не возьму. Раз уж ты называл меня братом, давай лучше будешь мне младшим братом по крови. — Шань Хэ, которого уже начало утомлять это нытье, хотел было уйти, но, вспомнив, что судьба Хуан Хао так же трагична, как и его собственная, не смог быть жестоким и пошел на уступку.

— Ладно, пусть будет младший брат! Старший брат, прими мой поклон. — Хуан Хао опустился на колени и поклонился.

— Встань! Я же говорил, что мужчине не стоит вставать на колени без причины. Почему ты снова это делаешь? — вспыхнул Шань Хэ.

— Но вы же мой старший брат! Вы — единственный мой близкий человек в этом мире, поклониться вам — мой долг, — с покрасневшими глазами прошептал Хуан Хао.

— Эх, младший брат... вставай. Возможно, ты и для меня единственный близкий человек в этом мире. — Услышав искренние слова Хуан Хао и вспомнив отца, чье местонахождение ему было неизвестно, Шань Хэ и сам невольно приуныл.

— Брат, неужели ты тоже сирота, как и я? — с надеждой спросил Хуан Хао.

— Можно и так сказать. Ладно, не будем об этом. Поздно уже, пойдем отдохнем, ты остановишься со мной в отеле. — Сказав это, Шань Хэ повел Хуан Хао в гостиницу, где жил сам.

На следующий день, во второй половине дня, обновленный Хуан Хао и Шань Хэ стояли у входа в ресторан.

— Крысеныш, мы уже весь день ходим, пора бы и перекусить. — С того самого вечера Шань Хэ упорно решил называть Хуан Хао Крысенышем, игнорируя любые протесты.

— Брат, не называй меня Крысенышем! — возмущенно протестовал Хуан Хао.

Шань Хэ покосился на него:

— Крысеныш! Пошли скорее, ха-ха! — не обращая внимания на злого Хуан Хао, он направился в ресторан.

— Брат! Постой, ты же не хочешь обедать именно здесь? — окликнул его Хуан Хао.

— А что, нет? Ты что, не голоден? — обернулся Шань Хэ.

— Нет, в смысле... ладно, иди за мной. — Хуан Хао потянул его дальше. За ночь он уже понял, что Шань Хэ — новичок, который обладает лишь грозной силой, а вот жизненного опыта в мире боевых искусств у него практически нет.

Вскоре они подошли к заведению под названием «Павильон Вопросающих Небо». Стоя у входа и рассматривая слегка старомодное убранство, Шань Хэ недоуменно спросил:

— Ты что, правда хочешь есть здесь?

— Брат, запомни: человек мира боевых искусств должен выглядеть соответственно. У нас есть свои места, и это — одно из них. — С этими словами он потянул Шань Хэ внутрь.

У входа их встретили две высокие красавицы:

— Добро пожаловать! Сколько вас?

— Не нужно церемоний, мы сами поднимемся наверх, — улыбнулся Хуан Хао.

— О, конечно, проходите! — услышав это, девушки тут же отступили, уважительно поклонившись.

Хуан Хао повел недоумевающего Шань Хэ на четвертый этаж. Там путь преграждала закрытая медная дверь с надписью: «Посторонним вход воспрещен».

— Крысеныш, ты что, привел меня есть медные двери? Опять хочешь, чтобы я проучил тебя? — Шань Хэ уже хотел нажать на точку, чтобы обездвижить наглеца.

— Нет-нет, брат, подожди! — Хуан Хао приложил ладонь к круглому углублению в стене рядом с дверью и направил туда энергию. Раздался двойной щелчок, и дверь распахнулась. То, что открылось глазам Шань Хэ, привело его в изумление: просторный зал с деревянной мебелью, всё выглядело невероятно изысканно и аутентично.

Услышав звук открываемой двери, к ним тут же подошел мужчина:

— Прошу прощения, уважаемые! Сегодня много гостей, и все отдельные кабинки заняты. Не согласитесь ли вы расположиться в общем зале?

— Ничего страшного, нам всё равно, — улыбнулся Хуан Хао, подталкивая застывшего Шань Хэ вслед за мужчиной к столику у стены.

Сев на место, Шань Хэ наконец пришел в себя. Оглядевшись, он увидел, что зал почти полон, повсюду слышны звон бокалов и шум разговоров. Он снова пришел в замешательство: было очевидно, что все здесь присутствующие — люди, владеющие боевыми искусствами, причем самые разные.

— Хе-хе, опешил? Брат, если перестанешь называть меня Крысенышем, я расскажу тебе, в чем тут дело, — ухмыльнулся Хуан Хао.

— Не трати время, рассказывай! А не то, хм-хм... — Шань Хэ сжал кулаки.

— Ой, брат, перестань вечно мне угрожать! Слушай: у нас, людей из мира боевых искусств, тоже есть свои места для жизни. Двадцать с лишним лет назад, когда многие из нашего круга стали чаще выходить в обычный мир, пошли постоянные распри. Ты же знаешь, люди боевых искусств — народ горячий, пара чарок — и вот уже вспыхнула драка. Чтобы не тревожить обычных людей, некоторые влиятельные кланы и школы открыли свои заведения, где можно только поесть и переночевать. Вот, например, это — собственность семьи Чжэн из Чэнду. Куда бы ты ни пошел, если на входе видишь табличку с символом Восьми Триграмм — значит, заведение принадлежит людям из нашего круга. К тому же, здесь мастера-одиночки часто узнают нужные новости. Видишь, здесь сидят в основном представители мелких школ или вовсе одиночки, а великие мастера и знатные семьи предпочитают отдельные кабинеты.

— Понятно... Интересно. Выходит, сейчас люди боевых искусств и обычные люди очень сильно различаются, — Шань Хэ вспомнил, что на вывеске при входе действительно был изображен символ Инь-Ян и Восьми Триграмм.

<http://bllate.org/book/21942/2279655>